

Ю.С. МАРТЕМЬЯНОВ. ЛОГИКА СИТУАЦИЙ. СТРОЕНИЕ ТЕКСТОВ. ТЕРМИНОЛОГИЧНОСТЬ СЛОВ

М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2004. 1056 с.

Рецензируемая книга представляет итог работы выдающегося лингвиста Ю.С. Мартемьянова (1930–2003) за 46 лет: первый из включенных в нее трудов был опубликован в 1957 г., последний – в 2003. Разнообразие затронутых тем велико: от вопросов грамматики французского языка до логической интерпретации максим Ф. де Ларошфуко и пушкинского “Моцарта и Сальери”. Тем не менее, собранные статьи и публикации разных лет пронизаны цельной, последовательно развивающейся идеей. Эта идея, по сути, легла в основу целого направления, имеющего немалое теоретическое и практическое значение: формального представления смысла. И Ю.С. Мартемьянов был одним из первых, кто приступил к этой задаче, которую перед лингвистикой поставила кибернетика. Он явился одним из авторов манифеста Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ (1960), в котором было заявлено: не только план выражения языка, но и план содержания представляет собой формальную систему, без понимания которой невозможно взаимодействие человека и машины. Для представления мира в электронном виде необходимо описать его не в обычном порядке – от означающего (высказывания) к его ситуационному значению, а от мира и конкретной ситуации к их означающему. Следовательно, задача прикладного языкознания – максимально точно описать и формализовать ситуацию, которую описывает высказывание. Логика ситуации должна связывать ее значимые фрагменты с основными знаковыми средствами естественного языка. Такой подход позволил бы, введя соответствующие данные в машину, обеспечить понимание человеческого языка.

Конечно, это заявление несет в себе печать некоего кибернетического романтизма. В конце 50-х гг. казалось, что наука уже близка к моделированию полноценного искусственного интеллекта и формальная модель языка – самый близкий путь к этому. В то время не вызвали возражений замечания типа: “...Правила преобразования, которыми связываются разные уровни естественного языка в трансформационной грамматике Хомского, соответствуют реальным процессам кодирования и декодирования знаков при их использовании” [1, с. 87]. Из этого следовало: модели Хомского адекватно описывают по-

рождение речи в мозгу, что в дальнейшем не подтвердилось. В действительности собственно интеллектуальные способности человека меньше связаны с языком, чем казалось, и моделирование искусственного интеллекта должно идти иным путем. Но исследование ситуационной семантики сыграло большую роль как в разработке теоретической грамматики [2; 3], так и теоретической семантики [4] и лексикографии [5].

Примечателен путь, которым шел сам Ю.С. Мартемьянов к разработке данной проблемы – формализованной семантики. Ранние его работы писались иначе – от формы к смыслу. Статьи, включенные во Вступление, ставят своей задачей установление четких системных отношений основных глагольных форм (на материале французского языка). По жанру их можно сравнить с классическими работами Р.О. Якобсона [6]. Тонкий грамматический анализ привел автора к выводу о том, что глагольные морфемы следует разделить на два класса. Морфемы первого класса зависят от лица, с которым сочетается глагол, и стоят в абсолютном конце слова; морфемы второго класса стоят перед морфемами первого класса и образуют с ними особые синтагмы, которые и определяют грамматическое значение глагола. Пример первого класса морфем – [-, ъ, е, α] (показатели лица), второго класса – [ε, j, э, эг] (показатели времени). Цепочка [parl- -, -, ъ, е, е] допускает внедрение “промежуточного” класса морфем, встающих между корнем и флексией. Эта классификация хорошо соотносится с некоторыми важными идеями Московской и американской лингвистических школ. Как показал Ф.Ф. Фортунатов, любая словоформа входит в два класса по своей основной и формальной принадлежности. Формальная принадлежность слова вводит его в грамматический класс, причем классы могут быть более и менее общими [7]. Основа слова может оказываться подвижно членимой: внутри нее обнаруживаются элементы, которые позволяют группировать “менее общие” формальные классы. Это словообразовательные и словоизменительные суффиксы. Модель Мартемьянова можно описать в терминах формальных принадлежностей Фортунатова.

Зеллиг Хэррис [8] рассматривал словоформу не с парадигматической, а с синтагматической

точки зрения: его модель определяет обязательные, возможные и недопустимые сочетания единиц низшего уровня, составляющие единства высшего уровня. Такой подход дает возможность описать систему порождения основных языковых единиц – от морфемы до высказывания. Иными словами, системы Фортунатова и Хэрриса хорошо соотносятся друг с другом как парадигматическое и синтагматическое описание одного явления – изменений слова. Возвращаясь к ранним работам Ю.С. Мартемьянова, мы можем сказать, что в них присутствует как первый, так и второй подход. Но автор не ограничивается формально-структурным описанием грамматической категории. Применяя тонкий семантический анализ, он выявляет основные значения *imparfait*, *futur*, *conditionnel*. Различие *imparfait* и *passé simple*, по мнению автора, никак не соотносится с тем, что мы считаем видовым. Для первого предлагается определение “связь в прошедшем”: действие относится к плану прошлого вне соотнесения с настоящим. Этим обусловлена роль имперфекта в согласовании времен, появляющийся у этого времени оттенок долженствования.

Интересно сравнить этот вывод с идеями Г. Вайнриха (чья пионерская работа появилась позже рассмотренных статей Ю.С. Мартемьянова). Вайнрих [9] так же убедительно показал отсутствие связи *passé simple* и *imparfait* с видовыми значениями: первую категорию он определяет как время переднего плана, вторую – как время заднего плана. Интересный способ описания был предложен в статье К. Эберле и В. Каспера [10]. По их мнению, *passé simple* выражает “точечные” события в том смысле, что обозначенные им ситуации завершены. В цепочке сказуемых *passé simple* разграничивает события, следующие одно за другим, тогда как *imparfait* указывает, что событие происходит одновременно с другим прошедшим событием. Нетрудно видеть, что Ю.С. Мартемьянов, Г. Вайнрих, К. Эберле и В. Каспер описывают в разных терминах один и тот же феномен. Подобный подход – нахождение инвариантов во множестве вариантов – имеет большое теоретическое и практическое значение – как для создания учебных грамматик, так и для исторических исследований¹.

Но исследования временных форм французского глагола явились для автора лишь введением к его основному исследованию – формальной се-

мантике ситуаций. И большая часть книги посвящена именно этим вопросам. Проблемы машинного перевода, занимавшие Ю.С. Мартемьянова в 60-е гг., требовали непротиворечивого и однозначного представления такой противоречивой и неоднозначной субстанции, как смысл. И автор явился одним из первых, кто стал применять метод семантических множителей. Впоследствии это направление исследований, представленное указанными работами Ю.Д. Апресяна и И.А. Мельчука, приобрело большую популярность. Сам же Ю.С. Мартемьянов этим не ограничился. В статье “Заметки о строении ситуации и форме ее описания” он предложил описание ситуации как набора составляющих. Составляющие имеют разную значимость, и одни из них могут определять (детерминировать) другие. Задача исследователя – построить алгоритм описания, который позволил бы отобразить все эти причинно-следственные связи. И автор работал в разных направлениях: формализация базовых элементов ситуации, выявление опорных элементов связного текста, описание синтаксических деревьев и – как дополняющее синтаксический подход – актуальное членение предложения. Основная часть книги состоит из следующих разделов: “Мир ситуаций: логика связей и подходы к метаязыку” (посвящен, главным образом, формализации языка для целей машинного перевода); “Трансформационный вывод из языковых дескрипций” (связь глубинно-семантических и синтаксических структур); “Логико-трансформационный вывод в описании семантики слов, синтаксиса предложения и прагматики текста” (основная идея – разнообразные следствия заданного текста).

Целостный подход к структуре ситуации и текста не ограничивается одной лингвистикой. В цикле работ, написанных в соавторстве с Г.В. Дорофеевым, одной из базовых идей является свобода выбора говорящим той или иной стратегии речи. Проблема свободы и детерминированности посвящена и статья “Ритуалы и самоценное поведение” (соавтор – выдающийся философ Ю.А. Шрейдер). Здесь решается одна из важнейших проблем культурологии: что такое ритуал. Авторы рассматривают его как результат устранения целесообразности поведения в том смысле, что ритуал не преследует конкретной осязаемой цели. Но роль его в человеческой культуре очень велика: ритуал как сознательный выбор человека организует культурное пространство и обеспечивает устойчивость общественных установлений. Ю.С. Мартемьянов и Ю.А. Шрейдер приводят в пример католическую и протестантскую церкви: после того, как Лютер отменил католический ритуал, протестанство раскололось на множество церквей, сект и деноминаций (лютеране, кальвинисты, баптисты и т.д.), тогда как католическая церковь до сих пор является цельным

¹ Очевидно, различие первопланового, или актуального и второпланового, неактуального прошедшего есть закономерное развитие совершенного и несовершенного вида глагола. *Passé simple* происходит из латинского перфекта, а *imparfait* – из имперфекта. Эти времена различались в латыни именно как указание на законченное к моменту речи действие vs. отсутствие такого указания. Исследование особенностей *passé simple* у Эберле и Каспера позволяет выявить истоки своеобразных временных оппозиций во французском глаголе.

организмом. Мы бы к этому прибавили и судьбу русского старообрядчества: беспоповство, полностью отвергшее церковь как особый институт, разделилось на приблизительно два десятка различных толков. Ритуал не может существовать ни в условиях абсолютной свободы (его отвергают), ни в условиях полной несвободы (он омертвевает). Он и представляет собой ту необходимую меру свободы и обусловленности в человеческом поведении, которая позволяет ему в полной мере проявлять свою человеческую натуру. Параллели с языком в этом разделе не подчеркиваются, но они очевидны: язык есть тоже сочетание свободы и детерминированности, речевой знак самоценен в том смысле, что он не имеет природной связи с означаемым, и в языке человек полностью проявляет свою сущность.

Особо следует отметить не публиковавшуюся ранее работу “Пассив и безличность как формы трансформационного воплощения высказывательных мотивов”, открывающую десятую, заключительную главу. Автор возвращается к проблемам теоретической грамматики, используя разработанные им методы структурного анализа текста. Для построения высказывания большое значение имеет пресуппозиция. Ю.С. понимает ее широко, как любое предшествующее высказыванию мысленное построение: в ее качестве может выступать и предшествующее высказывание. И одной из важных препозитивных трансформаций является устранение агента². Механизм этого явления автор описывает так: перевести NUNC (т.е. высказывание со всеми его референциальными признаками) с главного предиката на ближайшую осложняющую. Тем самым первое высказывание переходит в разряд невысказанных, а его субъект переходит в разряд пропозиционных обстоятельств. Поясняется это так: (1) *После того, как швейцар подал нам кофе, мы его выпили* (подчеркнуто главное NUNC³) → *Мы выпили поданный швейцаром кофе (кофе подан швейцаром)*. Таким образом, суть пассивизации заключается в снижении ранга агента в синтаксической позиции, в превращении его из подлежащего в обстоятельство. И трансформации подлежащего позволяют разграничить в нем деятеля, обладателя и субъект состояния. Ср. 1) *Цыплята унесены коршуном*; 2) *У Хоффмана есть собственный дом*; 3) *Мне снится дом*. Соответственно с помощью подобных операций можно определить и понятие безличности: это предложение с неопределенно-универсальной референцией, при которой фиксируется не субъект, а положение дел. Редукция предварительного высказывания (которое

бы каузировало описываемое состояние) иногда приводит к необходимости как-то это высказывание обозначить. Так в безличном предложении во французском и немецком появляются указательные местоимения: лат. *pluit* “дождит” – франц. *il pleut*; ср. нем. *es regnet*. Мы бы к этому прибавили, что местоимение *es* появляется всюду, где подлежащее не может встать на первое место в предложении: *Eine alte Frau wohnte in einem Dorf* → *Es wohnte eine alte Frau in einem Dorf* “В одной деревне жила старуха”. Первое предложение означает констатацию факта, второе – повествование. А при глаголах существования с их максимально неопределенным значением *es* в начале предложения становится необходимым, как и в безличных предложениях: *Ein Mann war einmal* vs. *Es war einmal ein Mann* “Был некогда человек” [11, с. 78]. Экзистенциальные предложения оказываются близки к пассивным и безличным. Все они обозначают положение дел, не контролируемое активным участником ситуации и могущее быть результатом предшествующих неназванных событий.

Таким образом, ситуационный подход показал общие истоки пассивных и безличных предложений. Этот вывод хорошо согласуется с данными многих индоевропейских языков. Во многих из них безличные глаголы маркируются пассивными флексиями, а показатели пассива и безличности и часто совпадают. К примеру, в латинском языке пассивом непереходных глаголов нередко передается то значение, которое в русском называется неопределенно-личным: *acriter pugnatum est* “Состоялось жестокое сражение” (дословно – “жестокое сражалось”); *ex curia in contionem itur* (Livius, VIII 33, 9) “Идут (дословно – идётся) из курии на собрание”. А в древнеирландском языке пассив, как правило, связан с отсутствием субъекта: субъект действия обычно опускается, а субъект состояния не переходит в позицию подлежащего, ср. сложный глагол *no-m' berar* “меня несут” < **ni me bheror*, где ясно виден след аккузатива личного местоимения⁴. Экзистенциальные предложения также могут маркироваться пассивными глаголами, ср. греч. *τέλομαι* “вращаться”, лат. *haberi* “иметься”, приобретающие значение “быть, существовать”. Таким образом, ситуационное описание порождения предложений может быть применимо и к диахронической лингвистике.

Мы сказали далеко не обо всех проблемах, затронутых в работах Ю.С. Мартемьянова. Будучи специалистом по общему и сравнительному языкознанию, рецензент вольно или невольно обращался к общетеоретическим и диахроническим вопросам, вытекающим из работ Ю.С. Мартемьянова. И оказалось, что рецензируемая моногра-

² В современных синтаксических трудах чаще употребляется термин *агенса*.

³ Главное не в синтаксическом смысле (оно здесь является придаточным предложением), а содержательно: оно каузирует последующее высказывание.

⁴ Более подробно этот вопрос рассмотрен в нашей работе [12, с. 156–163].

фия вовсе не ограничена вопросами математической лингвистики. Глубина подхода и тщательность описания привела к тому, что в исследованиях, посвященных, казалось бы, конкретным вопросам математической лингвистики, поднимаются максимально общие вопросы структуры языка и его функционирования.

Горько сознавать, что автор, успев составить столь впечатляющий по объему и широте затронутых идей том, немного не дожид до его публикации. Но идеи Ю.С. Мартемьянова останутся жить в современной науке. Редактор книги Е.Ю. Щербакова достойно справилась с подготовкой к печати сложнейшего текста. Единственное, чего можно было бы пожелать – указателя, в котором были бы расшифрованы все символы, используемые в данной книге. Отметим досадную опечатку в выходных данных: “Усл. печ. л. 45.15”. На самом же деле их около 85. Собрание трудов Ю.С. Мартемьянова, которое можно рассматривать как цельный текст, монументально по объему, по глубине и богатству идей.

К.Г. Красухин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов Вяч.Вс.* Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека // *Логическая структура научного знания* / Отв. ред. П.В. Таванец. М., 1965.
2. *Мельчук И.А.* Модель “Смысл $\longleftrightarrow$ Текст”. М., 1974.
3. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. М., 1999–2003. Т. 1–3.
4. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
5. *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* Толково-комбинаторный словарь русского языка. Wien, 1984.
6. *Якобсон Р.О.* К общему учению о падеже // *Якобсон Р.О.* Избранные труды. М., 1985.
7. *Фортулатов Ф.Ф.* Избранные труды. М., 1956.
8. *Harris Z.* From morpheme to utterance // *Language*, 1946. V. 23.
9. *Weinrich H.* Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stutgard, 1964.
10. *Eberle K., Kasper W.* French Past Tenses and Temporal Structure // *Tense Systems in European Languages* / Ed. R. Thieroff, J. Ballweg. Tübingen, 1994.
11. *Адмони В.Г.* Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
12. *Красухин К.Г.* Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004.